

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

**Наследство
художника**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Л. Латышова*
Художественный редактор *С. Курбатов*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Наследство художника / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-238241-3

Когда знаменитый и противоречивый художник Эмиль Кастальский умирает, его смерть запускает тонко продуманную игру, к которой он, кажется, готовился всю жизнь. Его завещание исчезает из вскрытого сейфа, родственники бросаются делить многомиллионное наследство, а где-то в тайнике старой рамы прячется документ, способный перевернуть судьбы всех участников. В дело оказывается втянута частный детектив Татьяна Иванова. Ее новая клиентка, скромная замдиректора Академии искусств Анна Зарина, уверена: Кастальский оставил истинное завещание именно ей — и кто-то готов на все, чтобы оно не всплыло.

Чем глубже Таня погружается в мир искусства, амбиций, зависти и старых обид, тем отчетливее понимает: смерть художника — лишь первый штрих в большой картине лжи. Перед ней — хитросплетение финансовых интриг, семейных драм, давних преступлений и загадочных символов, оставленных мастером в своем последнем произведении. Удастся ли Татьяне докопаться до правды, если каждый новый факт заставляет пересматривать прежние выводы, а истина прячется на самом видном месте?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238241-3

© Серова М.С., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Тишина в старой глинобитной студии была особенной — густой, почти осязаемой, насыщенной запахами скипидара, льняного масла и вековой пыли. Воздух здесь казался застывшим, будто сама вечность решила обрести форму в этом старом помещении заброшенного завода на самой окраине Тарасова. Эмиль Кастальский знал: никто из его «заботливых» родственников даже не подозревал о существовании этого места. Здесь, среди паутины, опутавшей углы под потолком, и бесчисленных эскизов, покрывавших стены, словно шрамы, он мог наконец выдохнуть. Сбросить маску уставшего от жизни старика, которую был вынужден носить в городе. В этих стенах, пахнущих красками и одиночеством, он оставался собой — художником, творцом, человеком, чья душа еще была способна чувствовать и создавать.

Он медленно провел пальцами по шершавой поверхности холста, ощущая каждую

выпуклость, каждую неровность грунтовки. Это был обряд, последнее приветствие матери, которая вот-вот должна была превратиться в дух. Его пальцы дрожали — не от возраста, а от понимания важности момента. Кастальский закрыл глаза, вдыхая знакомый аромат мастерской, словно пытался вобрать в себя самую суть этого места, сделать ее частью своего последнего произведения.

Сейчас каждый вдох давался ему с невероятным трудом, будто легкие наполнялись не воздухом, а тяжелой, вязкой субстанцией, медленно, но верно лишавшей его жизни. Но что удивительно — разум, обычно погруженный в творческие бури и сомнения, сейчас был кристально чист и холоден. Он стоял перед мольбертом, опираясь на него исхудалой, покрытой старческими пятнами рукой, и знал точнее, чем когда-либо прежде: этот мазок станет последним. Заключительным аккордом в симфонии его жизни.

Кисть дрогнула в его пальцах, оставив на просохшем грунте тонкую, почти изящную линию цвета запекшейся крови. «Картина Смерти» — мысленная усмешка скользнула в его сознании. Как банально. Как пафосно и претенциозно. Но иного названия он подобрать не мог. Это был не просто холст, залитый красками, — это был акт исповеди и возмездия, заключительное высказывание,

в которое он вложил все: свою боль, свою накопившуюся за годы злобу, свое леденящее душу презрение к миру, погрязшему в лицемерии. И — свое искупление. Последнюю надежду на то, что его жизнь имела какой-то смысл, помимо денег и славы.

Он чувствовал, как жизнь медленно, неумолимо отливает от конечностей, концентрируясь в единственной точке — в тонкой кисти, зажатой между костлявых пальцев. Он не просто наносил краску на холст — он переносил на шершавую поверхность остатки своей угасающей души, запечатывая их в многослойных лаковых покрытиях, словно древний алхимик, пытающийся остановить мгновение. Это был последний исступленный диалог с миром, который он собирался взорвать изнутри, даже покинув его.

Он отступил на шаг, и его колени едва не подкосились. В глазах потемнело, в ушах зазвенела нарастающая тишина, казавшаяся громче любого оркестра. Нет. Еще нет. Слишком рано. Нужно было закончить. Но не картину — свой замысел, тщательно выверенный и продуманный до мельчайших деталей.

С трудом, почти ползком, он добрался до старого дубового стола, заваленного тюбиками с краской, палитрами и банками с кистями. Его пальцы, казавшиеся сейчас беспомощными плетями, нащупали то, что

искали — небольшой, туго свернутый свиток. Пергамент, на ощупь шершавый и прочный, пахнувший историей и тайной. Настоящее завещание. Не то, что лежало в дорогом сейфе в его официальном кабинете в центре города, предназначенное для жадных глаз алчных родственников. Нет, это была его бомба замедленного действия. Последняя, самая изощренная мистификация в жизни мастера иллюзий.

Он снова подошел к картине, каждый шаг давался ему ценой невероятных усилий. Его взгляд упал на массивную дубовую раму — настоящий шедевр столярного искусства, с причудливой резьбой, изображавшей сплетение виноградных лоз и острых шипов. Он провел дрожащими пальцами по сложному узору, нащупывая едва заметную впадинку, известную только ему. Нажал. Раздался тихий, почти неслышимый щелчок, и крошечная секция резьбы отошла в сторону, обнажив узкую, тщательно обработанную полость.

Его пальцы, холодные и почти нечувствительные, с трудом втиснули туда свернутый пергамент. Тайник захлопнулся, снова став частью изящного декора. Горькая усмешка вырвалась из его пересохших губ. Какая ирония судьбы! Люди будут часами, днями, годами вглядываться в картину, искать тайные смыслы в каждом мазке, спорить о симво-

лизме и скрытых посланиях, а главная тайна будет висеть у них перед носом, просто обрамляя искусство. Самое ценное — всего лишь рама. Он прятал не бумагу, не юридический документ. Он прятал приговор всей своей жизни, всей той лжи, что окружала его долгие годы. Чувство мрачного, безрадостного удовлетворения наполнило его, согревая лучше любого огня. Пусть теперь попробуют найти. Пусть порвут друг друга в клочья в погоне за призраком, даже не подозревая, где спрятана настоящая правда.

Силы окончательно оставляли его. Он вызвал такси и с трудом добрал до выхода. Его грудь тяжело вздымалась, каждый вдох был похож на подвиг. Но глаза, потускневшие и уставшие, все еще были прикованы к холсту, в который он вложил всю свою душу. Машина подъехала, он открыл заднюю дверь и рухнул на сиденье как подкошенный. Такси тронулось.

«Теперь... все изменится...» — прошептал он, и слова его затерялись в тишине салона автомобиля.

Его взор затуманился, мир медленно уплывал куда-то вдаль, теряя очертания и краски. Он больше не чувствовал холода, не слышал шума города за пределами такси. Осталась только тяжесть век, неумолимо смыкавшихся, и последний образ — его картина, его

исповедь, его смерть и его жизнь, слившиеся воедино на прямоугольнике холста.

Спустя несколько часов, когда тело художника доставили в больницу, а луна высоко поднялась над спящим Тарасовом, в его официальном кабинете в центре города раздался тихий, но настойчивый звонок будильника. Наступало время, расписанное по минутам, — время, когда старый мастер обычно покидал свою городскую квартиру для ночной прогулки. Человек, прекрасно знавший расписание Кастаньского и все его привычки, бесшумно, как тень, скользнул в кабинет. Он двигался с уверенностью того, кто не раз бывал здесь и знал каждую щель в паркете.

Пальцы в тонких кожаных перчатках без единой ошибки, почти машинально, набрали знакомую комбинацию на кодовой панели сейфа. Дверь массивного стального хранилища отворилась с тихим щелчком, словно приветствуя давно знакомого гостя. Вор даже не взглянул на аккуратные пачки денег, лежавшие на одной из полок, не обратил внимания на ценные бумаги и деловые контракты. Его взгляд сразу выхватил из полумрака сейфа один-единственный предмет — толстый конверт из дорогой бумаги с наложенной на него мастичной печатью. Фальшивое завещание. Приманка, оставленная художником для тех, кто жаждал его смерти и его денег.

Забрав конверт, человек также бесшумно закрыл сейф, тщательно стерев следы своего присутствия. Он был абсолютно уверен, что держит в руках единственную и настоящую волю покойного. Мысль о том, что могло существовать еще одно завещание, даже не мелькнула в его сознании. Уверенность в собственной проницательности и знании всех тайн старика ослепляла его, делая уязвимым.

А тем временем в тихой, тайной студии на окраине города истина оставалась в полной безопасности, надежно спрятанная в дубовой раме, обрамлявшей последний шедевр мастера. Ловушка, расставленная умирающим художником, захлопнулась, но добыча еще даже не подозревала, что сама стала частью чужой интриги. Игра только начиналась, и главная роль в ней была отведена не вору, не алчным родственникам, а той, кому только предстояло войти в эту историю — частному сыщику с циничным взглядом и костями для гадания в кармане.

ГЛАВА 1

Мой день начался с катастрофы — закончился кофе. Не та безвкусная труха, что продается в супермаркетах, а настоящий, свежесобжаренный эфиопский мокка, пахнущий шоколадом и спелыми ягодами. Три дня я откладывала поход к обжарщику, и вот — возмездие. Пустая банка смотрела на меня с укором, а я, стоя посреди кухни в шелковом халате, чувствовала себя преданной. Вселенная явно намекала, что сегодняшней день не задался. И, как выяснилось позже, Вселенная, как всегда, была права.

Пока я ворчала и перебирала запасы в надежде найти забытый пакетик с зернами, заодно собирала с ближайшего кресла одежду, раскиданную вчера поздним вечером. Кашемировые брюки, пара туфель, шелковая блуза, на которой темнело пятно от пролитого кофе. Все это складывалось в картину возвращения с дела, закончившегося далеко за

полночь. Но сейчас каждая деталь должна была выстроиться в безупречный ряд.

Я разгладила ладонью мятый шелк блузы. Под пальцами ткань оживала, становясь гладкой, холодной и безразличной — именно такой, какая мне сейчас была нужна. Этот утренний ритуал облачения был важнее любой молитвы. Материя, крой, цвет — все это были не просто слова из модного глоссария.

Это был мой рабочий код, первая фраза в разговоре, который еще не начался. Когда нервный, не уверенный в себе клиент видит меня в таком облике, в его подсознании шелкает: «С ней не торгуются. Ее услуги стоят своих денег». Я не та девушка, которая умоляет о работе. Я та, кто решает проблемы. И мой внешний вид — это первый и самый важный фильтр. Он отсекает скупердяев, любителей «попроще» и всех тех, кто считает, что частный детектив — это бывший мент в потертой косухе.

Нет, дорогие мои. Я — Татьяна Иванова. Высокая зеленоглазая блондинка с идеальной фигурой и лицензией частного детектива. И моя одежда говорит об этом громче любых слов. Это цинично? Возможно. Но это работает. Безупречный образ — это не про красоту. Это про дистанцию, которую нельзя перейти, и про правила, которые диктую я.

Чудом в дальнем углу шкафа я нашла завалившийся пакет с ямайскими зернами. Пока кофемашина с божественным урчанием делала свое дело, я оценила свое отражение в зеркале прихожей. Идеально. Дорого. Стервозно. Неприступно. Сегодня мой прикид был безупречен. Оставалось лишь понять, на кого его направить.

Как и перед началом каждого нового дела, я обратилась не к логике — к ритуалу. Не к молитве — к костям. Три двенадцатигранные кости из черного агата, холодные даже сквозь бархатный мешочек.

Правила были просты и не терпели суеты. Бросаешь все три кости трижды. Суммируешь то, что выпало, каждый раз. Потом складываешь три получившихся числа. Это и будет ответ.

Я высыпала их на полированную столешницу. Первый бросок. Они перевернулись, звеня, и замерли — 9.

Собрала, встряхнула в сомкнутых ладонях. Второй бросок. Звонкий стук — 20.

Третий, финальный бросок. Кости завертелись, описывая мелкие круги, — 25.

Я свела результаты. $9 + 20 + 25$. Память, натренированная на работу с деталями, мгновенно выдала трактовку: «Только что Вы добились или, возможно, скоро добьетесь высокого положения. Завистливые родствен-

ники способны изменить ситуацию в худшую сторону. Не забывайте о постоянных разногласиях с родными!»

Уголок моего рта дрогнул. Прямо в яблочко. Дело о наследстве, родственники-стервятники и клиентка, пахнувшая страхом и валерьянкой. Кости лишь подтвердили то, что я уже учуяла нутром, но добавили важный штрих — «высокое положение». Не только деньги. Положение. Репутация. Что-то, за что можно бороться с особой жестокостью.

Я аккуратно собрала агатовые сферы обратно в мешочек. Путь был указан. Теперь предстояла работа.

Через сорок минут я уже стояла у входа в «Кафе де Пари» — самое пафосное заведение Тарасова, где цена чашки кофе была сопоставима со штрафом за мелкое должностное преступление. Я выбрала столик у окна с видом на пешеходную улицу, заказала двойной эспрессо и стала ждать. Ровно в назначенное время в дверях появилась она.

Женщина, чей образ был настолько полон противоречий, что сразу же зацепил мое профессиональное внимание. На вид ей можно было дать лет сорок пять, но тщательно скрываемые морщинки у глаз и у рта выдавали все пятьдесят. Она была одета в пальто из каче-